

УДК 94(47)

Семенов А.А.,
доктор исторических наук, профессор
Армавирский механико-технологический
институт (филиал) КубГТУ
Русанов В.С.,
студент 2 курса,
Армавирский механико-
технологический институт

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОНТИНУУМ РЕВОЛЮЦИОННОГО СОЗНАНИЯ (1917 - 1920 ГГ.)

Аннотация: в статье авторами исследуются представления о пространстве различных слоев населения Северного Кавказа в годы Гражданской войны (1917–1920 гг). Им также рассматриваются особенности восприятия пространственных характеристик участниками военно-политических событий того времени, военнослужащими действующих армий, государственными деятелями и руководителями различных общественно-политических движений.

Ключевые слова: пространство, географические координаты, пространственно-временной континуум, вооруженный конфликт, противостояние, фронтовые будни, повседневность.

Semenov A.A.,
doctor of historical sciences, professor
The Armavir mekhaniko-technological
institute (branch) of KUBGTU
Rusanov V. S.,
student 2 courses AMTI

THE SPATIAL CONTINUUM OF THE REVOLUTIONARY CONSCIOUSNESS (1917 - 1920)

Summary: in this article the author explores the concepts of space of the different layers of the population of the North Caucasus in the Civil war (1917 – 1920 yy.). He also considers the peculiarities of perception of the spatial characteristics of the participants of military-political events of that time, current military personnel of armies, statesmen and heads of various social and political movements.

Keywords: space, geographical coordinates, spatial-time continuum, armed conflict, confrontation, frontline everyday life, everyday life.

В годы гражданской войны, по мере постепенного нарастания кризисных тенденций, представления о пространстве в сознании широких народных масс населения России наполняются новым мировоззренческим смыслом и обретают новое социокультурное выражение. Одной из характерных особенностей данных процессов изменчивости в восприятии окружающей действительности является частичная потеря представлений о пространстве как целостной мыслительной категории. «К лету 1918 года Северный Кавказ оказался отрезанным от центра России, и единственной, крайне неудобной линией связи с центром являлась линия – Святой крест – Астрахань через Величавку» [1]. Данное обстоятельство повлекло за собой его восприятие как разорванного, расчлененного как в географическом плане, так и социокультурном, политическом. Так, например, боец большевистского отряда, действующего на Ставрополье в начальный период гражданской войны, Проскурин Ф. отмечает следующее:

«Наш начальник штаба для переговоров отправился в белогвардейский штаб генерала Золотарева, где ему внушили: «Нам воевать не за что. Вы не лезьте к нам на Дон, а мы не полезем к вам на Ставрополье и будем жить мирно и хорошо. Возвращайтесь по домам» [2].

Нередко пространство в данный период воспринималось как комплекс несвязанных между собой локальных территориальных зон, внутренние и внешние границы которых определялись наличием в их рамках враждебного или дружественного социального окружения. Как отмечает А.А. Семенов, «они (крестьяне – прим. авторов) имели свои вооруженные отряды, в них часто устанавливался военный режим, их деятельность чаще всего преследовала одну главную цель – защитить деревню от влияния внешних сил, обеспечить общине возможность локального, замкнутого существования за границами враждебного внешнего мира» [3].

Данный критерий, в соответствии с общим фоном социального и общественного противостояния, в народном сознании становится важнейшим в восприятии пространства. Исходя из этого, пространство структурировалось в нем либо как социально и политически близкое, либо как чуждое, враждебное. Данная особенность восприятия пространства определяет стремление населения к определенной пространственной замкнутости, желание ограничить собственное пространство локальными территориальными участками, для которых является характерным наличие «социально-близкого», благоприятного внешнего окружения. Пространство в этой связи оценивалось населением страны определенным образом, а именно: не по принадлежности к определенной территориально-административной единице (стране, области), а по наличию или отсутствию в его пределах враждебных индивиду политическими и социальными силами. Соответствующим образом меняется задача его социального освоения индивидом, обладания им.

Основным побудительным мотивом человеческой деятельности в этом контексте являлось вытеснение и изменение находящегося в его пределах неблагоприятного внешнего окружения и его замена на близкое, адаптивное в социальном идеологическом плане. Причем в данном случае территориальный масштаб пространства, на котором необходимо было утвердить благоприятное внешнее окружение, ограничивается определенными очерченными в сознании пределами. Так, генерал-майор Голубинцев в своих воспоминаниях, посвященных периоду гражданской войны на Дону, сообщал: «Задача у меня была, на первое время, ввиду отсутствия связи с остальным миром и неясной обстановкой резко очерчена – освободить округ от красных, не навязывая насильно казакам того или другого режима или способа управления» [4]. Данная особенность восприятия пространственной сферы обусловлена тем, что под влиянием кризисного состояния, поразившего все общество, индивид утрачивал широту пространственного горизонта, его сознание уже не в состоянии было охватить все географическое, социокультурное пространство бывшей Российской империи, теперь находящейся в хаотическом распадающемся состоянии.

В подобных ситуационных обстоятельствах речь уже не могла идти об организации той или иной формы упорядочивания общественной, социальной жизни, создания властных институтов. В данной ситуации вопрос стоял лишь о том, как сохранить свой собственный локальный пространственный участок от влияния внешних сил хаоса и дестабилизации. Отсюда одной из важнейших особенностей восприятия пространства в период системного кризиса стала его мыслительная локализация, его социокультурная сжатость в пределах отдельных локальных пространственных зон и, как следствие, – стремление индивида ограничить свою внешнюю активность данными локальными участками.

По мере нарастания тенденций кризисного исторического развития, процесс формирования новых представлений сознания, отражающих пространственный аспект человеческого существования, приобретает новый качественный характер. Так, например, в газете «Донские известия» от 23 апреля 1918 года в статье «Опасность впереди» отмечалось: «Рабочий севера (выделено авторами) не изменит рабочему юга, и не оставит его одного на ратном поле, потому что ясно сознает, что только в тесном единении рабочих и крестьян севера и юга России... возможно окончательная победа...» [5]. Подобные изменения особенно ярко прослеживаются при анализе представлений о пространстве отдельных слоев русского населения. «Мы, иногородние, признаем единственную власть – Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Совет Народных Комиссаров, как выразителей воли трудового и беднейшего народа» [6]. Пространственно-территориальный горизонт в этом случае включал в себя

социокультурный, географический, политический, экономический и иные пространственные уровни. Так, газета «Правда» от 31 мая 1918 года писала: «Краснов хочет отторгнуть Дон и Кубань от России... превратить эти благодатные области в чужеземную колонию и лишить голодающих русских рабочих и крестьян донского и кубанского хлеба. Под оружие! В поход за хлебом – для голодающих детей, отцов и матерей! В поход против контрреволюционных мятежников и заговорщиков» [7]. Пространство в любой его точке становится достижимым, присвоенным уже не условно и выборочно, а как единое поле социальных перемен. В этой связи пространство приобретает объемный всеобщий характер, не расчленяется сознанием на локальные, независимые друг от друга территориальные зоны, а обретает целостное единство. Так, А.А. Семенов обращает внимание на то, что «крестьянские восстания происходили по всей стране, начинается Великая Крестьянская война, которая становится составной частью Общегражданской войны» [8].

При этом в пространственных представлениях человека периода гражданской войны отдельные территории вполне взаимозаменяемы, не существует «своего» и «чужого» пространства, концепты которых присутствовали в первые месяцы после Октябрьской революции. Все оно представляет собой единую территорию нового мира, в котором нет отдельных, изолированных пространственных зон. Единство нового мира выражено в происходящих в нем переменах, которые по своему характеру радикальны. При этом не существует четких критериев, по которым определяется близость или отдаленность территории. Здесь необходимо находиться, если в ее пределах идет столкновение с силами «старого мира». А.А. Семенов, в частности, указывает на то, что «в этих условиях криминальная активность основных слоев населения России превратилось в некое подобие революционной борьбы за всеобъемлющее переустройство общества. Самими исполнителями преступных деяний и окружающими их эти действия ни в коем случае не воспринимались как преступные или противоправные, а понимались как выражение особой социальной позиции, способствующее революционным изменениям в обществе, делу достижения социальной справедливости и равенства» [9]. Так, как отмечают Семенов А.А. и Щербинин С.А. насилие, нередко применялось «к значительному числу «традиционных» политических противников большевистского режима...Количество этих «традиционных» противников новой власти с момента восстановления в регионе Советской власти постоянно возрастало, не столько за счет увеличения их численности, сколько по мере отнесения к представителям указанных социальных и политических групп все большего количества лиц, лишь косвенным образом связанных с деятельностью указанных общественно-политических сил [10].

Вследствие данного конструкта сознания также было возможным перемещение значительных масс населения из одной административно-территориальной единицы в другую, в то место, где наиболее необходима помощь в борьбе против прежней исторической реальности «старого мира». Так, один из очевидцев-участников тех событий вспоминал: «В конце марта месяца 1918 года наш Ивановский отряд (действующий на Ставрополье, прим. авторов) получил приказ от Невинномысского ревкома, в котором говорилось: «Город Екатеринодар находится в опасности, к нему подошли части офицеров и юнкеров генерала Корнилова и повели ожесточенные бои. Если Корнилов захватит город Екатеринодар, то в скором времени он появится и здесь. Екатеринодару необходима помощь. Вашему отряду немедленно погрузиться в вагоны и выступить на помощь Екатеринодару». Бойцы отряда, выслушав такое сообщение, единогласно крикнули: «Едем в Екатеринодар». Действительно, они рвались в бой. В течение суток отряды при полном военном вооружении и с продуктами погрузились в вагоны и выехали в Екатеринодар» [11].

Исходя из этого, представление о пространстве в период гражданской войны предполагало восприятие его не столько как географической категории, сколько как единого поля мировой социальной борьбы, где идет битва за будущее всего человечества и где строгие географические границы стерты глобальным противостоянием, всеобщей битвой за утверждение новой исторической реальности.

Список используемой литературы:

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р. – 1919. Оп. 1. Д. 18. Л. 308.
2. ГАСК. Ф. Р – 1919. Оп. 1. Д. 19. Л. 27.
3. Семенов А.А. Повседневная жизнь населения России в годы гражданской войны (1917 – 1920 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар. 2005. С. 122.
4. Голубинцев. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону.1917- 1920 гг. Ростов-н/Д.: Вешние воды, 1995. С. 42.
5. Опасность впереди // Донские известия. 1918. 23 апреля.
6. Борьба за Советскую власть на Кубани в 1917 – 1920 годах. Краснодар, 1957. С. 138.
7. Газета «Правда». № 107. 1918. 31 мая.
8. Семенов А.А. Повседневная жизнь населения России в годы гражданской войны (1917- 1920 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар. 2005. С. 108.
9. Семенов А.А. Повседневная жизнь населения России в годы гражданской войны (1917 – 1920 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар. 2005. С.284.
10. Семенов А.А., Щербинин С.А. Власть и население Северного Кавказа в период гражданской войны и НЭПа (1917 – 1925). Монография. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2008. С. 79.
11. Газета «Правда». № 107. 1918. 31 мая.